

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

В.А. Кутырёв, А.С. Нилогов DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515

PRO ET CONTRA ИННОВАЦИОНИЗМА: ЗА СОХРАНЕНИЕ АНТРОПОМОРФНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Аннотация. Статья — диалог. Продолжение интервью Алексея Нилогова (А.Н.) с автором книги «Время Mortido» Владимиром Кутыревым (В.К.) на тему: «Можно ли управлять прогрессом?» // NB: Философские исследования. 2013. № 8. Оно переросло в беседу, смысловая конструкция которой строится как скрытый, но острый спор «прогрессора» с «консерватором». Собеседники дают разные, чаще противоположные оценки перспектив человечества и существующих взглядов на них. Речь идёт о тенденции к замене всего живого и естественного, техническим и искусственным. Рассматривается соотношение бытия и ничто, постмодернистская трансформация человека в «иное», подрыв фундамента жизни через размывание полов и возникновение слабых (мыслящих) и сильных (программируемых) зомби. Автор книги выступает радикальным противником безграничной экспансии новационных = постчеловеческих технологий, особенно идеи «у-совершенствования» людей, доказывая, что основной задачей современного человека должно быть сохранение своей цивилизации в антропоморфных параметрах. Общество, в котором потребление вытесняет производство и мир предстает как глобальный торговый центр, становясь при этом спектаклем, все меньше нуждается в силе, мужественности и строгой мысли. Потому они не культивируются.
Ключевые слова: бытие, ничто, трансгуманизм, зомби, Деррида, программирование, антиязык, гомосексуализм, самоуничтожение, консерватизм.

А.Н. Время Mortido: «в переводе с Фрейда» — время влечения к смерти. Вы имеете в виду, что современное человечество устремилось в могилу, на съедение червям?

В.К. Это, конечно, ваше упрощение, надеюсь, провокационное. Речь идёт о тенденции к замене всего живого и естественного техническим и искусственным. О замене предметной среды обитания человека — виртуальной, вещей — симулякрами, духовности — расчётом, культуры — технологиями и т.д. А человек по субстрату и генезису всё-таки живой, естественный. Потому он в кризисе, физическом и душевном. Окружил себя невыносимым богатством, комфортом, будто бы «для райского наслаждения» и — теряет ощущение жизни, способность к радости, чувству красоты и понимание смыслов. Становится депрессивным, механичным, «зомби». Радикально меняется, исчезает его Lebenswelt, жизненный мир. В передовых по этим параметрам странах появился термин: Undead — немертвый. Мы не живые, а только немертвые. Новые, так называемые «высокие», технологии

предлагают идти дальше — заменить это биосущество техническими артефактами, пересадив его интеллект «на кремний». Прельщают бессмертием. Но если бессмертный, то тем более неживой. Умереть можно по-разному — уйдя вниз, в могилу, или вверх, превратившись в нечто принципиально другое. Это будет не наша, чужая, пост(транс)человеческая форма бытия. Таким образом, Mortido в философском смысле — влечение к самоотрицанию в виде перехода в Иное.

А.Н. Во всех публикациях, и особенно в обсуждаемой книге, вы выступаете как «защитник бытия», противником «ничто» и нигилизма. При этом опираетесь на М. Хайдеггера. Но М. Хайдеггер считал, что причиной нигилизма является забвение вопроса о ничто, а отнюдь не забвение вопроса о бытии (богатая сущим метафизика).

Цитирую: «Возможно, существо нигилизма заключено в том, что люди не принимают всерьёз вопрос о Ничто. В самом деле, вопрос остается неразвернутым, люди упрямо не хотят уходить от схемы давно привычного или — или, на котором

вопрос застревает. Люди говорят, рядом с общим определением: ничто “есть” или “ничто” совершенно пустое, или оно должно быть сущим. Поскольку, однако, ничто явно быть сущим никогда не может, остается только второе, что оно просто пустое ничего. Кто сумел бы ускользнуть от этой принудительной “логики”?

...А что если Ничто в своей истине пусть и не сущее, но вместе с тем и никогда не просто пустая ничтожность? Что если, стало быть, вопрос о существовании Ничто даже еще и не поставлен удовлетворительным образом, пока мы полагаемся на схему или — или? Что, наконец, если упущение этого развернутого вопроса о существовании Ничто оказывается основанием того, что западная метафизика неизбежно впадает в нигилизм? Нигилизм, испытанный и понятый исходнее и сущностнее, будет тогда историей метафизики, которая тяготеет к той принципиальной метафизической позиции, где исключена не только возможность понимания Ничто в его существовании, но и воля к его пониманию. Нигилизмом тогда нужно будет называть: принципиальное недумание о существовании Ничто. Возможно, здесь залегает причина того, что сам Ницше поневоле оказывается внутри — как он это видит — “законченного” нигилизма. Поскольку Ницше хотя и опознает нигилизм как движение западной истории в Новое время, однако не в состоянии думать о существовании Ничто, не умея о нем спросить, постольку он вынужден стать классическим нигилистом, дающим слово той истории, которая теперь совершается. Ницше узнает и ощущает нигилизм потому, что сам мыслит нигилистически¹.

Ещё раньше в мировой философии за нигилизм выступал и ответственен Парменид, потому что высказался о небытии как о том, о чём нечего высказывать: «Бытие есть, а небытия нет». Баста! А ведь небытие копило силы негации и... Бабах! Не ждали? Тогда — аннигилируйтесь!

В.К. Что нигилизм есть результат забвения бытия, происшедшего в процессе человеческой истории и выразившегося в метафизике, как бы общее место в представлениях о философии Хайдеггера. Я его могу только напомнить, не занимаясь самодеятельностью — потому что по сути своей оно адекватно хайдеггерианству (не все, что написано в учебниках, «неправильно и чепуха»). Именно: Человечество, совершив с помощью науки великие от-

крытия, воплотило их в инструменты технического господства над природой, в насилие над ней, ради получения материальных благ (выгоды). Весь мир превратился в поле деятельности «субъекта», перестраивающего его согласно собственным желаниям и прихотям. Видя в мире лишь источник получения все новых и новых предметов потребления, человек теряет остальные, «бесполезные» измерения бытия, не замечая, что эта деятельность стала угрожать его собственному существованию.

Вопрос о преодолении метафизики как мировоззрения, несущего в себе импульс забвения бытия и тем самым его последнего продукта — нигилизма является основным, от которого зависит судьба человечества в настоящее время. Для своего спасения человек никоим образом не должен быть отрицателем и насильником бытия, он должен стать его «пастухом, пастырем».

Что касается категории «Ничто», то после Гегеля ее, казалось бы, никто не может считать внешней по отношению к бытию = «пустой ничтожностью». Но именно «казалось» и «бы». Хайдеггер фактически упрекает Ницше в таком внешнем толковании роли ничто в истории метафизики, в то время как оно всегда было в нее вплетено как различие, условие прорыва к новому. Да само время — это «распределенное по пространству» ничто. «Бытие и время» Хайдеггера, в сущности есть «Бытие и ничто», но он, как консерватор, в этой оппозиции держит сторону бытия.

Хайдеггера задушили в объятиях, сделав приставным носом к чему угодно. Постмодернисты умудрялись считать его «своим». Они, интеллектократы, информационисты, деконструктивисты, виртуалисты — его, ориентировавшегося на мифы и поэзис, фундаменталиста и консерватора, едва прикрытого реакционера, певца почвы, крови и семени, конечно, не по недомыслию приставшего к НСДАП и не вышедшего из нее лично, до отпуска в 1945 г. — сами пишете: Хайльдеггер. Они берут его в союзники. Кто сознательно (если можно приделать усы Джоконде, то почему не сделать постмодернистом национал-социалиста), кто по искреннему непониманию. И вот теперь к его авторитету, желая приватизировать, подбегают зомби, нелюди, людены и прочие трансхьюманисты. К нему, ярому «биокону». Стадной глупости людей, хотя бы и ученых, нет предела, никакая логика здесь не помогает.

А.Н. Вы рассуждаете в логике субстанциалистской сущности человека, как будто в состоянии

¹ Хайдеггер М. Европейский нигилизм (http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_01.php).

придать всему человечеству какой-либо смысл. По моему, история философии всегда учила нас тому, что у человека нет никакой предзаданной сущности, а потому он может быть кем угодно (хоть доктором (если не пациентом!) философских (как правило — мизософских) наук, хоть консервной банкой). Близок ли вам экзистенциальный взгляд на природу человека? И вообще: какая разница для интеллекта, какой субстрат будет у его носителя — биологический или кремниевый? Ведь мы (предки тех, кто лазил по деревьям, а затем питался падалью и друг другом) эволюционировали, порвав с предшествующими формами бытования разума. Большинство людей умирает, так ничего и не поняв в своей жизни. Они — биомасса рода (около 100 миллиардов), обеспечивающая существование гениев человечества. Не будь последних — мы бы до сих пор не слезли с деревьев. Как бы кощунственно это ни прозвучало, но кого из сильных мира сего заботит семимиллиардное население Земли, плодящееся в нищете ради нищеты? Или вы считаете, что на прогресс должен быть наложен всемирный мораторий? И как быть с теми людьми, которым стыдно оставаться людьми — рядом с плодящейся нищетой? Разве вам не стыдно быть человеком, особенно после кровавой истории XX века (которая, к счастью, закончилась, потому что ничему не учит) — после Холокоста (хотя бы во имя грядущего Сверх-Холокоста?) и других извращений гуманизма? Не пора ли с почестями похоронить труп Человека, а не заниматься его консервацией (или того хуже — с прицелом на последующие эксгумации), по максимуму используя достижения научно-технического прогресса (разрабатываемая трансгуманистами крионика)? Если история человечества закончилась, то ради чего ему жить? Если вы такие смертные (всё ещё хвастающиеся своей смертностью, по Ницше), то почему вам не хватает мужества у(вы)мереть раз и навсегда?..

В.К. Ой-ёй! Вы, человек, что вы несёте: «похоронить труп Человека и прочее...».

Но сначала по первой, специфически философской части ваших рассуждений: о субстанциалистско-эссенциалистской сущности человека, когда вы говорите, что история философии учила, будто никакой сущности у него нет, человек может быть кем-угодно, хоть консервной банкой.

Скажем так, что учила об этом не вся история философии, а скорее гегелевско-марксистская философия XVIII в., века апофеоза эволюционизма и историзма. Никоим образом не хочу присоединять-

ся к представителям позорной антимарксистской конъюнктуры, но идею развития человечества без свободной воли субъекта, тенденцию замены диалектического материализма (материалистической) диалектикой, тем более его эволюции без субстрата и субстанции считаю ошибочной, «увлечением века». В экзистенциализме же она была оспорена: «существование предшествует сущности», была, по крайней мере, не всеобщей (например, у Сартра — да, у Камю нет). Ибо она ведет к отрицанию самости и идентичности явлений, какой-либо сингулярности в бытии, отрицанию необходимости в них/ней, когда не только нельзя дважды войти в одну реку, но и ни разу не войдешь. Это уже Кратил, абсолютный релятивизм, тот самый «ничтоизм» и нигилизм как отказ от бытия и настоящего в пользу будущего. Чистая процессуальность, сплошное время как распределенное по пространству ничто — и без пространства. Всегда собираться жить и никогда не жить на самом деле.

Это особенность утопического сознания, которое было частично свойственно марксистскому мировоззрению в качестве идеологии революции. Однако развитие не тождественно революции и даже прогрессу. Это жизнь и изменение «нечто», какой-то самости и субстанции, ее элементов, которые тоже, конечно, меняются, но всегда существуют. Ибо как же тогда существовало бы универсальное нечто, наша «Всё-ленная». Чистый=пустой процесс? Время без временищегося. Его также трудно представить, как и ничто. А помыслить — можно, но на мгновение, с которым больше нечего делать. Процесс завершается, не начавшись.

Дальнейшая ваша критика человека и гуманизма, призывы похоронить их, есть от(вы)ражение той самой истерии самоуничтожения, которая охватывает сейчас передовое человечество, готова почву для замены человека сначала зомби, киборгами, а потом просто чем-то любимым, хоть «консервной банкой», лишь бы искусственным. Случилось самое страшное, что может случиться: человечество охватывает воля к автогеноциду. В лице своего молодого и наиболее прогрессивного отряда, *человек больше не хочет быть человеком*. Он хочет превратиться в нечто другое (посетите, например, любую конференцию по трансгуманизму). Жа-ждет роботизации. Идет мировоззренческий отказ от гуманитарной парадигмы, который и есть проявление антропологической катастрофы (М. Мамардашвили), которая ещё недавно мыслилась как нечто чудовищное, а теперь приходит «на

голубиных лапках» и всё большим числом людей, в том числе инерционно считающих себя гуманистами, приветствуется. Вы туда же: «стыдно быть человеком», «похоронить труп Человека». А мне, извините, стыдно слушать эту модно-праздную болтовню, по сути, опасные эпатажные глупости. Да успеется, куда торопитесь. В общефилософском плане все это коррелирует, точнее, является частью идеологии постмодернизма, трансформирующегося в трансмодернизм. Метафизическая сущность которых (вместе) — человекофобия. Пост(транс)модернизм в целом есть отражение происходящей на глазах всех, кто хочет видеть, замены естественной, макро, вещно-предметной и живой среды нашего бытия искусственной, информационно-виртуально-коммуникационной, мега (космо) и микро (нано) технологической реальностью.

Хотя отрицать и дискредитировать человека для полной победы над ним недостаточно. Со всем смелые, наиболее последовательные и без(д)умные технократы и эвтанизаторы говорят уже о трансвитализме, т.е. преодолении жизни на Земле и ликвидации традиционных, исторически возникших на ней любых живых существ как наилучшем способе решения все наших(?), прежде всего, экологических(!?) проблем. (Где-то видел на эту тему ваше интервью с неким «окончательным» энтузиастом прогресса В. Кишинцом).² Нет человека — нет проблем, это все-таки мало. Не будет живого — тогда и наступит настоящая жизнь. Бессмертная, в соответствии с последними достижениями техники, например, в форме «постчеловека». Идеал транс(ин)новационизма — когда всё существует для того, чтобы скорее исчезнуть, замениться чем-то новым. Потом опять новым. В конце — стать голограммой, без тела и объемов — Ангелы будем! И опять транс в новое. В архангелы? — в дурную бесконечность. Онаученые мечтания двенадцатилетних подростков это и есть оптимистическая футурология. И утрата всякой мудрости.

В свете подобной последовательной перспективы, ближайшие и любые планы трансгуманистов, «усовершенствовать» человека, а потом чего-то после него, искусственное, являются типичным самообманом. Просто форма самоубийства. Ну, приставите вы себе третью руку или существующей на 20 кг больше сможете поднимать (+ тогда позвоночник надо укреплять), любой второй член

(+ тогда второе сердце бы надо, а то...) и пошло-поехало. А третий чип-член вам бы хотелось вставить в мозг (только не перепутайте), однако поскольку «прогресс не остановишь», да он (по чисто эволюционистской логике), теперь без субстрата, то адепты следующей технологической волны сочтут это недостаточным. Они предложат по(в)ставить вам другие, более мощные: руку-член-чип, дабы вновь усовершенствовать то, что казалось хорошо на предыдущей стадии техноэволюции. И т.д., в бесконечность, по пути самоликвидации. По дороге в ад (The Road to Hell), как поет об этом известный рок-музыкант Крис Ри (Chris Rea).

Некоторые, правда, это безумное движение уже «останавливают», превращая в «бесконечные информационные поля» или «разумные ландшафты», где неизбежно непрерывный прогресс почему-то ус-пока(о)ивается.³ А говорили: «не остановишь». Как видим, можно, останавливают, лишь бы не на человеке и его феноменологическом мире, а чтобы двигаться к смерти. К тому же, если всё информация и разум (бессмертные?), то это — Бог, если всё поля и ландшафты, то это — Материя. Вот вам новейшее историческое воспроизведение вечной метафизической оппозиции.

Я не питаю иллюзий, что «ставших трансгуманистами» можно переубедить. Потому что сознание этих людей уже переформатировано силами «Иного» на бессознательном уровне и никакая логика, призывы к самосохранению им не указ. Если человеком овладела воля к небытию, он будет говорить все что угодно, вплоть до явного абсурда, лишь бы оправдать (само)убийство существующего вида *Homo sapiens*. Не случайно же то и дело ожидания конца света, его перенос на новые сроки. Потому что *он происходит*, здесь и сейчас, вполне реально. Не обязательно мгновенно, в дыму и пламени, а — эпоха. Я все-таки книгу назвал «Время Mortido» не зря, потому что новационизм, идеология инновационизма, когда все вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, жить, работать, а скорее исчезнуть, замениться другими, более совершенными — это растянутый во времени, непрерывный апокалипсис, фактическая цель переднего края технауки. Неужели вас не беспокоит, например, уже не тенденция, а начавшееся прямое убийство людей летающими роботами (беспилотниками),

² См.: Кишинец В.М. На смену обезьяне (http://www.ng.ru/person/2012-08-30/2_kishinets.html).

³ См.: Чеклецов В.В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам // Философские науки. 2010. № 6.

прослушивание всех сущих на Земле, которое практикует «Большой демократический брат», без суда и следствия, сам определяя, кто прав или виноват, выбирая, что ему (не) нравится. Что же должно случиться в мире, чтобы так называемые мыслящие люди сбросили с себя морок технического прогресса и хотя бы задумались? Говорят, что у человечества нет идеалов. Неправда, есть: *великая цель современной цивилизации, ее передового отряда — конец света*, т.е. уничтожить свой феноменологический мир, в котором оно может жить. И заменить себя искусственными интеллектуальными системами. Трансгуманизм — результирующее, концентрированное выражение этой идеологии.

А.Н. Понятно, что вы ярый противник трансгуманизма. Однако, не кажется ли вам, что, например, зомби намного гуманнее, чем современные люди (про примеры альтруизма среди животных я вообще умолчу)?

В.К. Вот дожили. Уже и зомби (и животные!?) лучше людей. Я думал, что говоря о самоотрицании человечества, пугаю, профилактически преувеличиваю. Увы, техногенное пере(вы)рождение нашей цивилизации столь стремительно, что только захочешь предупредить, напугать — глянь, «приняли», со всем согласились. Ничего не боятся. Скажи им/вам: превращаетесь в плесень. Ответ будет: ну и что, если эта плесень новационная, да прогрессивная, да по науке. «Творческая смерть», — придумал свою новацию М. Эпштейн, почему-то еще не верящий в бессмертие (отсталый человек). Да что вы под зомби понимаете? Я скажу, что имею в виду, произнося это слово, тогда будет понятно и про «гуманизм».

Интерес, возникший у людей развитых стран к феномену зомби не случаен. Если ответить кратко — потому что *они сами ими становятся*. Сначала интерес, а потом начнут оправдывать. И любить. Вы, кажется, уже начали. Любая патология, став реальностью, в конце концов, возводится в норму. Увы.

Зомби — существо, которое во всем подобно человеку, но все делает механически, не испытывая чувств, без души, без «внутреннего», как бы подчиняясь приказам извне. Как живой мертвец, или «немёртвый» = *undead*, или мёртвый, но не погребенный (в славянской мифологии — вурдалаки). Выйдя из языческой религии вуду, зомбизм инфицировал передовой отряд современной цивилизации. Теме зомби уделяют возрастающее внимание кино, литература, возникла мифология зомби, ее интенсивно эксплуатируют масс-медиа

и поп-культура. Сайт телеканала Россия-1 уже называется *zoomby.ru* (коварное, между прочим, название с точки зрения оценки роли телевидения — как «начальство» это не заметило?).

В философии сознания, например, о зомби вначале говорили в доказательство тупика, в который попадает теоретик, сводящий сознание к физиологической работе мозга или к информации. Постепенно, однако, стрелка барометра стала склоняться в пользу зомби. Пошли толки о том, что для эволюции сознание, с его сомнениями, неоднозначностью выводов, субъективными оценками и эмоциями, больше не нужно. Оно не эффективно. Человек (?) вполне может жить без него. По рациональной организации и логической непогрешимости философские зомби превосходят людей. Зомби начали писать книги о том, что быть зомби совсем не трагедия, скорее, хорошо.

Вектор движения западной цивилизации к пост(транс)человеку и зомби как его первой стадии, перестает ее не только страшить, но и беспокоить. Он(о) в ней рекламируется. В относительно отсталых странах, как в России, до такого мазохизма дело не дошло. Но вал переводов/пересказов поллиткорректной литературы о зомби приближается к нашей границе, первая культуртрегерская волна ее уже пересекла. Наиболее полное представление о «зомбистике» дано, пожалуй, в работе Гольцова-Вольфсона Д. «Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби»; а также в книге Волкова Д.Б. «Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания».

Начался процесс зомбизации современного общества.

Определяя уровень зомбизации в тех или иных странах, целесообразно различать, по крайней мере, два вида зомби: слабых и сильных. Это уместная аналогия с различением слабого и сильного искусственного интеллектов. Слабый (легкий, частичный) зомби — *мыслящий зомби*. Он мыслит и действует, но отвечает только на вопрос «как», не интересуясь, почему, зачем это делает, к чему ведет его мышление, если его продолжить, хотя бы дальше хода е-2 — е-4. Он мыслит без (о) сознания последствий, как бы не в собственном = не человеческом уме. Это типичные представители сциентизма и техницизма. Где их основная среда обитания, говорить не буду, а не основная — есть даже министр, какой, догадывайтесь сами, а я говорить тоже не хочу. (Всего только человек).

Утрачивая сознание, слабые зомби остаются, однако, в сфере логоса. У многих, если они вне рамок

профессиональной деятельности, может сохранять способность не только мыслить, но и осознавать. В отличие от них сильные (тяжелые, полные) зомби ориентированы на матезис. Это представители когнитивно-информационного знания, обитающие все больше в виртуальной реальности. Их мышление полу- или полностью формализовано, они обходятся без обращения к смыслу вообще.

Если слабые зомби не желают думать о последствиях своей деятельности, то сильные теряют способность думать (в человеческом смысле) как таковую. Они сортируют, выбирают, комбинируют и обрабатывают информацию. Вместо «традиционного» мышления у них остаются мыслекоммуникации, а вместо знания — компетентность, т.е. знание, где найти знание. Таких еще в полном виде нет или может быть единицы, которых я пока не встречал (не компетентен).

Поскольку современный человек превращается в человеческий фактор, «человеческий капитал» и агента сетей, то по мере нарастания скорости гонки постчеловеческих технологий, идеология зомби становится все более влиятельной и агрессивной. Возникает феномен зомбократии (Здравствуйте, вурдалаки!). Это ближайшая переходная ступень к киборгам и искусственному интеллекту. К инобытию. Начальная стадия осуществления мечты транс(у)оманистов. О «бессмертии».

Ну, и хватит. Теперь, надеюсь, вы представляете, что в моем представлении говорить о «гуманизме зомби» патологично, а лозунг нашего спасения в таком случае будет традиционалистский: *отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке!*

А.Н. Мне кажется, что вы недооцениваете технологии так называемой дополненной реальности. Это серьезная альтернатива предвзято понятой виртуальной реальности, которая не подменяет действительную реальность, а дополняет её за счёт новых информационных возможностей, расширяя горизонт ориентации в ней.

В.К. Я вообще не осведомлен об этой технологии, ее отличиях от виртуализма и почти ничего здесь не могу сказать. Если бы виртуальная реальность не претендовала на «константную», а была действительно дополнительной, тогда понятно, однако агрессивная тенденция к виртуализации мира ведет его в другую сторону. Достаточно много людей, которые в «традиционном мире» только присутствуют, а (не)живут «там», в качестве питательного бульона для интернет-матрицы. (Чтобы совсем

не отлипнуть от компьютера, они уже и питание себе придумали, получают по системе 3D какие-то растворы в пробирках; секс тоже тут же — виртуальный; вот вам и «тело без органов», «шевелиющаяся протоплазма» — как видим, введенные постмодернизмом понятия были философским предвидением теперь действительно происходящего).

А.Н. Как известно, Ж. Деррида признал тщетность критики логоцентризма с точки зрения самой методологии критики, поэтому дело деконструктивистской философии ещё не живёт и не побеждает. Мне думается, что у современной русской мысли есть все шансы довести дело Деррида до логического (абсурдного) конца (например, в рамках развиваемой мной философии антиязыка).

В.К. Согласен, что ваша философия антиязыка есть продолжение «анти-тео-онто-фоно-фаллолого(с)центризма» Ж. Деррида. Это деконструкция, отрицание логоса в его естественно-жизненной оболочке. Но Деррида предложил и позитивную замену языку-логосу. Это грамматология. Если говорить о ней не на птичьем языке постмодернизма, а по сути, то это — «бито-логия», матезис, дигитальная коммуникация, «язык» без слов и звуков, в молчании, как информация, которая передается от «импульса к импульсу» = «антиязык». По сути это будет не коммуникация (ах, какая скорость, кричащие о коммуникации новаторы не знают о том, что борются за превращение в консерваторов), потому что бессубъектная передача от импульса к импульсу есть уже не коммуникация, а «коммутация». Просто замыкание. Да и все. Электрические сигналы внутри шевелящейся протоплазмы или кремниевых структур. Конечный итог. А пока от логоса к матезису, от языка к «письму», от смыслов к формализмам, от живого разума к искусственному интеллекту, от гуманизма к трансгомонизму и т.д. все тот же единый процесс самоликвидации человека и движения современной цивилизации к концу света, совершаемый самими же людьми. Которые движутся туда, одурманивая себя поступающими от технауки предложениями «нового лишь бы нового», как за дудкой крысолова. Правда, в отличие от остальной толпы, среди них обычно находится, как обнадеживают все футурологические книги и фильмы, 3–5% особей, которые понимают, что происходит. И они, эти консерваторы и фундаменталисты, традиционалисты и гуманисты (да, гуманисты теперь традиционалисты) спасают, если не человечество, то хотя бы его честь как частично «разумную сущность», которая населя(ет)

ла Землю. Чтобы можно сказать: «Я есть жизнь, желаящая жить среди Жизни» (Альберт Швейцер). Или, по крайней мере, сказать: *Мы, люди — были*. Льшу себя надеждой, что я в этих процентах.

А.Н. Согласны ли вы с тем, что философия должна утешать заходящее человечество, а не расстраивать его параноидальным алармизмом? Или вы считаете, что современная философия (особенно постсоветская) может кого-то мобилизовать на борьбу (например, с самой собой)? Поскрести по сусекам — и не наскрести даже на колбочку с гомункулом?

В.К. Кто-то выступает за эвтаназию, кто-то способен умирать с открытыми глазами. Философ все-таки должен иметь мужество сознавать, что происходит и как обыкновенного человека-индивида, когда он болен, не подталкивать человечество к печальному концу. Не торопить к закату, наоборот, помогать ему продолжать жить. В любом случае выбирать второе положение. По крайней мере про(ис)поведывать его. Если же кто-то избирает наркотический подход, называя его эвтаназией, то почему бы ему не умереть прямо сейчас, зачем вы оттягиваете такое удовольствие?

Кроме того (и здесь я объективно перехожу на вашу позицию) «мы не будем знать, когда нас не будет» — мой собственный и любимый тезис, так что не стоит слишком беспокоиться, что кого-то можно растревожить. Я много пишу об этом, и, как правило, встречаю защитную реакцию: это алармизм, пессимизм, консерватизм, а вы сделайте нам красиво. У тех же, кто не утратил способность мыслить логически и дальше своего носа, в силу чего у них не получается просто отвергнуть факты, происходит «сшибка» их теоретически сильного, высококвалифицированного сознания с уже перформатированным в пользу стремления к «ничто» их бессознательным эго — они перестают дальше читать, говоря, что им стало противно и впадают в гнев: всё это чепуха, автор — мракобес, контра, реакционер, дебил, идиот, его тексты «какой-то невероятный, редкостный в своей умственной импотенции бред» (такие риторически изощренные отзывы по интернету я получаю, когда текст, видимо, попадает не в бровь, а в глаз — в их новое, уже постчеловеческое «я»).

Верить, будто распространением знания, правды, можно решать проблемы, к сожалению, иллюзия. Люди хотят знать и принимают только то, что отвечает их интересам, даже если они «не их», от-

рицают их, но через это реализуются объективные процессы «бытия, определяющего сознание» (К. Маркс) основной массы людей. Только немногие способны «держат поднятой голову над водой» этого великого и, как теперь, когда человечество устремилось к отрицанию себя, можно сказать — ужасного закона.

А.Н. И всё-таки: неужели вы не видите никаких положительных перспектив в развитии цивилизации? Разве, будучи философом, вы не должны эмансипировать Человека, отчуждая его косность и мракобесие?

В.К. Что значит, «не вижу». Как раз вижу, что цивилизация прогрессирует, а человек деградирует. («Процветающее общество деградирующих индивидов» — Ж. Бодрийяр). Что мы живем практически в раю, все сказки стали былью и апокалипсис происходит с комфортом, в форме эвтаназии. «Апокалипсис в раю» — в этом вся соль или, как сказали бы теперь, фишка моей книги «Время Mordido», про конкретные сюжеты которой мы почти забыли, а обсуждаем, скорее, навеянные ею и предыдущим интервью интересные вам/нам отклики. В том и дело, что человека никто не губит извне, что наиболее коварный и смертельный яд сладкий и тот, который вырабатывается в самом организме человека=цивилизации. Апокалипсис происходит в виде самоапокалипсиса (термин саратовского философа О. Шимельфенига). Не случайно, парадигмой мысли, вместо: «Человек — это звучит гордо», на сцену сознания, в т.ч. у вас, вырывается мазохизм, идеи унич(то)жения и замены себя чем-то иным без образа и образца, лишь бы «иное», лишь бы был не человек. Это трагическая диалектика развития, о которой серьезнее всех написали в близкое нам время Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения». Эту, их линию я и продолжаю, только на современном материале, показывая, как культура Просвещения перерастает в «культуру Смерти».

Другое дело, что теперь «диалектики» как марксистской методологии (собственно говоря, это было философско-спекулятивное предвидение синергетики) боятся не только из классово-идеологических соображений. «Электронным постлюдям» думать будет вообще незачем, «все в компьютере», главная способность — «найти знание». Этому теперь и учат, т.е. компетенции, а не собственному знанию как пониманию. Если мы научились считать, то почему думаете, не разучимся читать, потом говорить, а потом не деградируем в

«думании»? В основе это один и тот же процесс. Он и происходит. Если вы работаете в вузе, особенно «эффективном» = компьютеризованном, то должны это заметить. В XXI веке образования не будет. Смысл проводимых во всем мире, в том числе нашим министерством образования реформ — *борьба с образованием*, чтобы через e-learning, а потом полную автоматизацию трансформировать его в «управление (co)-знанием». В программирование людей. Вот вам прогресс.

А.Н. Не знаю, почему вы навязали мне амплуа прогрессора, а за собой оставили роль консерватора, — по старой бинарной привычке? Мне, наоборот, кажется, что современная молодёжь ещё более консервативна, чем старшее поколение. Конфликт отцов и детей давно исчерпал себя, уступив место конфликту отчимов и пасынков. Вы с этим согласны?

В.К. Диалектика не означает, что нельзя обозначать крайних положений. Наоборот, они задают смысл противоречия, которое, правда не сводится к ним, а движется, развертываются между ними. Про себя твердо могу сказать, что в свете современной ситуации человека, позиция консерватизма, это моя первая пуговица, после которой я пытаюсь за(расс)тегивать весь костюм человеческой деятельности. А то, что вы — прогрессор, выражаете дух времени, но как человек, не готовы перестать мыслить и впадать, подобно трансгуманистам, в эвтаназию, боритесь с этим трендом, живо, даже болезненно переживая противоречия цивилизации — это мое ощущение, которое возникло из задаваемых вами вопросов. Потому я все и надеюсь склонить, «отвоевать» вас в пользу человека.

О молодежи. Не думаю, что она консервативна, если что ей и угрожает, то про(гр)цесс превращения в жертву технического прогресса, отрыв от предметной жизни, инфантилизм, утонуть в сетях, превратиться в зомби. Тем паче, что в ближние 3–5 лет нас всех очипуют. «Чипизируют». Большинство это будет приветствовать, как приветствуют всеобщую слежку-наблюдение, интернет-контроль биографий, превентивную проверку (наплевав на всякую презумпцию невиновности) на детекторах лжи, просвечивание и чтение эмоционального состояния мозга по лицам в аэропортах, и т.п. — на практике. И радостные ожидания (не знаю, как вы) завершения работ по чтению мыслей. Подавляющее большинство не вырвется из этого плена. Станут элементами World Wide Grid

и подданными Большого Брата. Да, слышали ли вы о Сноудене и смотрите ли, опять спрошу, американские фильмы, где эти тенденции вполне явно представлены? Не говоря уже о том, как старательно трансгуманисты стремятся не вспоминать Дж. Оруэлла, его «1984». Который, наверное, пребывает на небесах в полном смятении от радости из-за точности своего предвидения и от ужаса, что оно сбывается.

А.Н. Свою монографию «Философия антиязыка»⁴ я посвятил Ф.И. Гиренку как благодарному Учителю. Я весьма критичен к философскому оборотничеству Гиренка, но отдаю ему должное за то, что он философствует на пределе — пафосно, мизогинно (философия — не женское дело!), с выпусканием пата. Вы завидуете публичности московского эпатажника с философского факультета МГУ?

В.К. Во-первых, поздравляю вас с монографией, исключительным, блестящим владением смыслами языка, чтобы (ради) дискредитировать его, бороться с ним. Парадокс. Надеюсь, мы его обсудим.

Во-вторых, если я консерватор, то, естественно, тоже не сторонник равенства = уравнивания = одинаковости = ликвидации полов, которое явочным порядком осуществляется вместо их равноправия по закону, которое давно есть (для выполнения одних и тех же функций, чем озабочен феминизм, незачем было «по-полам» разделяться) и всей этой лицемерно-пошлой политкорректности. Ее историческая роль в подготовке почвы для «снятия» человека (если различия по полу не имеют значения, то какие еще различия у «человеков» как личностей остаются?), его превращения сначала в гендер, потом клон и прочих генетических манипуляций с ним в духе Human enhancement (совершенствования человека). Гомосексуализм и феминизм — это две стороны одной медали подрыва фундамента жизни, предваряющий этап движения к полному ато(о/нано)мизму как идеалу либерализма, когда все любят: 1) себя, 2) свой пол, 3) опять себя (в виртуале), 4) ничего не любят. Самолюбы. Гомолюбы. Аут-изм. Такова единая линия эгоизации человечества = распада социальных отношений.

Политкорректная идеология направлена против различия полов, этого условия воспроизводства рода (однополые гомосексуальные браки

⁴ См.: Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб.: Алетейя, 2013. 216 с.

— оксюморон, полов (половин-ок) может быть только два(е) или их нет, по сути это «бес-полые браки», но тогда брака нет); семьи как ячейки общества (ювенальная юстиция) тоже нет. Идеология политкорректности/толерантности данные процессы обосновывает и реализует. Как бы ни относиться к ним лично, проклинать и/ли завидовать, их философско-историческая оценка заставляет сказать, что это разложение, распадение родового человека, его желания и воли к продолжению жизни. Свобода, опирающаяся на провозглашение прав индивида (частицы) выше прав общества (целого) похожа на свободу раковой клетки множиться за счет организма. *Вырождение. Деградация.* Со всеми, вытекающими отсюда последствиями (в богатых странах — в гламурной форме).

Общество, в котором потребление вытесняет производство и мир предстает как глобальный торговый центр, становясь при этом спектаклем, все меньше нуждается в силе, мужественности и строгой мысли. Потому они не культивируются. Мужчины попадают в их же усилиями созданную, ими же изобретенную западную технически эффективного автоматизированного производства. Потому что преуспевать в обществе потребления: больше чем женщины покупать, лечиться, ухаживать за собой, нравиться в рекламе, тратиться на косметику, значит перестать быть мужчиной. Но именно на это сейчас запрос. Мужчина все-таки производитель (по крайней мере, был), а нужнее потребители. Все сколько-нибудь тяжелое, трудное, опасное, что формировало из ребенка мужчину, опускается теперь на дно, и если существует, то в остаточной форме. Через мужской пол в мир приходит новое. Смотрите: в литературе все больше женщин, текстов, авторов типа Д. Донцовой и т.п. В тоже время по любым эмпирическим наблюдениям видно, что деятельность, из которой вымывается мужской элемент, внутренне надломилась, банализируется. Куда делись мужчины? Да посетите сборища программистов, хакеров, сайт-дизайнеров и т.п. Их там и на всяких компьютерных соревнованиях почти сто процентов. Парни уходят в цифровую (пост)культуру. Естественно, что если человечество, «деградируя в новое», впало в *Mortido*, то они в первых рядах замены вещиности и социальности виртуальностью и симулякрами (подделками). Симулякр самого мужчины — так называемая деловая женщина, которая отказалась от природной роли рождения детей и функционирует как береза, раскрашен-

ная под дуб. Его контуры могут выглядеть даже четче. Потом — «бессмертный» киборг, говорить о его «сексуальной ориентации» не имеет смысла. Транс-гомо-нисты и не говорят.

«Философия — не женское дело»? На (пред) последнем этапе превращения человека в иное все будет женским. Отношения в обществе, его дух уже сейчас похожи на отношения в школе, откуда, как известно, мужчины исчезли. «Как класс». Как рыбы из пересыхающего водоема. Не только из-за денег. Образуется среда, унижительная мелочность, фальшь и бюрократизм которой их выдавливает, выдерживают ее более ответственные и терпеливые (тоже пока) женщины. Отсюда влияние феминизма, политкорректности, пресловутых «прав человека» и «медиализация» всех отношений. Влияние Нового мирового (постчеловеческого) порядка. Он продуцируется, за ним сила прогресса технологий и его оборотной стороны, регресса (трагическая диалектика) человека. В книге у меня об этом целая глава.

Что касается известности Федора Ивановича Гиренка, если ей действительно можно завидовать, то не черной, но не скажу, что и белой, а серой завистью, с огорчением: что эта публичность не дорогая, с привкусом эпатажа и пиара. Когда, например, прижизненное влияние имеют А. Дугин, М. Эпштейн, за которыми есть школа, сторонники, или более академичные С. Хоружий, П. Гуревич, Ю. Осипов, тогда стоит по-настоящему (не) завидовать. Слава философа у современников редко бывает профанной. Она таинственна. Это признание (у)тех, кто понимает.

А.Н. В конце 2013 года Вам исполнилось 70 лет. У вас есть последователи? Вы так энергично философствуете, что не подумаешь об этом возрасте.

В.К. Спасибо за лесть, надеюсь, она искренняя, несмотря на то, что по ходу беседы вы могли обидеться. Если последователи, то только теоретические. В научно-организационном плане я «сам по себе», без какой-либо официальной или клан(к)овой поддержки, но нет худа без добра, это позволяет высказываться без мировоззренческой оглядки, кроме, разумеется, педагогических и общеправовых ограничений. Что касается возраста, то может потому, что я «биокон» и, несмотря на экспансию в мир идеологии автогеноцида, варианты которой мы обсуждали, все еще хочу: 1) быть, 2) человеком, 3) бороться за это как *нашу реализацию* возможных миров.

Список литературы:

1. Волков Д.Б. Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания. М., 2011.
2. Голынов-Вольфсон Д. Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (062).
3. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. СПб., 2013.
4. Делёз Ж. Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998.
5. Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб., 2012.
6. Можно ли управлять прогрессом? Интервью В.А. Кутырёва А.С. Нилогову по книге «Время Mortido» // NB: Философские исследования. 2013. № 8. С. 460–489. (http://e-notabene.ru/fr/article_679.html).
7. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2003.
10. Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философские науки. 2003. № 8.
11. Чеклецов В.В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам // Философские науки. 2010. № 6.
12. Эпштейн М. Из Америки. Екатеринбург, 2005.

References (transliteration):

1. Volkov D.B. Bostonskii zombi. D. Dennet i ego teoriya soznaniya. M., 2011.
2. Golynov-Vol'fson D. Vek zhivykh mertvetsov: KhKh stoletie glazami zombi // Neprikosnovennyi zapas. 2008. № 6 (062).
3. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. SPb., 2013.
4. Delez Zh. Logika smysla. M., Ekaterinburg, 1998.
5. Kutyrev V.A. Vremya Mortido. SPb., 2012.
6. Mozhno li upravlyat` progressom? Interv`yu V.A. Kutyreva A.S. Nilogovu po knige "Vremya Mortido" // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 8. S. 460–489. (http://e-notabene.ru/fr/article_679.html).
7. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013.
8. Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek. M., 2004.
9. Khaidegger M. Bytie i vremya. M., 2003.
10. Khoruzhii S.S. K antropologicheskoi modeli tret'ego tysyacheletiya // Filosofskie nauki. 2003. № 8.
11. Chekletsov V.V. Topologicheskaya versiya postchelovecheskoi personologii: k razumnym landshaftam // Filosofskie nauki. 2010. № 6.
12. Epshtein M. Iz Ameriki. Ekaterinburg, 2005.